

18+

Андрей Задурев
Екатерина Епифанова

ТЕНИ В СТЕКЛЯННОМ ЛАБИРИНТЕ

Екатерина Елифанова
Андрей Задураев
Тени в стеклянном лабиринте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72255847

ISBN 9785006757516

Аннотация

Когда-то давно мы хотели написать роман, но время шло, а роман нет. В итоге получились рассказы навеянные жизнью. В этот сборник вошли сиюминутные и продуманные рассказы и зарисовки окружающего мира.

Содержание

Часть I: Осколки зеркал	5
Стеклянный кокон	6
Метро в Никуда	9
Птица в свинцовых тучах	13
Конец и начало	16
Часы с обратным ходом	18
Человек-пазл	21
Собеседник из шума	23
Часть II: Диалоги с абсурдом	25
Творец и чиновник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тени в стеклянном лабиринте

**Андрей Задураев
Екатерина Епифанова**

© Андрей Задураев, 2025

© Екатерина Епифанова, 2025

ISBN 978-5-0067-5751-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I: Осколки зеркал

«Человек – это трещина в зеркале вселенной».

Стеклянный кокон

Он проснулся от того, что краска засохла на кончиках пальцев и начала стягивать кожу. Жёлтая, как выжженное солнце. Встал, потянулся к окну – стекло было холодным, несмотря на июльский зной снаружи. Его квартира – аквариум, подарок от покойной тётушки, напоминала выставку абстракциониста: стены покрыты мазками ультрамарина, пол усеян кристалликами разбитых палитр. Но окно... Окно оставалось чистым. Слишком чистым.

Первые месяцы он рисовал город. Небоскрёбы, похожие на ржавые иглы, толпы-муравьи, спешащие в метро, стаю голубей, разрывающих крошки иллюзий. Каждый день – новый холст. Но однажды заметил: чем ярче краски, тем мутнее стекло. Оно впитывало их, как губка. Сперва исчезли оттенки – зелёный трамвай стал серым, алое платье женщины напротив поблёкло до розового. Потом пропали детали: окна соседних домов слились в одно пятно, люди – в чёрные палочки.

– Ты превращаешь их в мультфильм, – сказал друг, заглянувший на огонёк. – Мир не выдерживает твоей фантазии.

Друг ушёл, хлопнув дверью. А художник остался с пустым холстом и окном, которое теперь напоминало матовое стекло душа. Он попробовал нарисовать собственное отражение – контуры лица, синие прожилки на висках. Но краска стека-

ла со стекла, оставляя за собой прозрачные дорожки, будто слёзы.

К вечеру он понял: окно рисует вместо него. Каждый мазок кисти подхватывался невидимой силой, растворялся в стекле, а наутро появлялся новый узор – спирали, напоминающие раковины улиток, геометрические фигуры, лица без глаз. Он начал слышать шёпот, слова, которых не знал: «Квадрат времени», «Алгоритм теней».

– Ты стал частью пазла, – сказала окно однажды, голосом его детской учительницы. – Здесь нет места для случайных цветов.

Он попытался разбить стекло старым мольбертом. Дерево рассыпалось в пыль, а окно лишь дрогнуло, выпустив из трещины струйку аквамарина. Краска поползла по полу, к его ногам, обвила лодыжки. Холодное, липкое прикосновение.

На последнем холсте он изобразил дверь. Простую, деревянную, с железной ручкой. Когда краска высохла, дверь появилась на стене – настоящая. Он потянул за ручку, но за ней оказалось... окно. То же самое, с узорами-спиралями.

– Это лабиринт, – засмеялось стекло. – Ты уже в центре.

Он сел на пол, обхватив колени. Краски вокруг пульсировали, сливаясь с его кожей. Жёлтый вплёлся в вены, синий – в радужку глаза. Когда исчезли контуры тела, он почувствовал лёгкость. Больше не надо выбирать между реальностью и холстом.

Теперь он – мазок в чьей-то бесконечной картине. Ино-

гда, когда солнце бьёт в стекло под нужным углом, его лицо проступает в узорах. Мимо идут люди, но видят только абстракцию.

Аквариум опустел. Только краски на полу шепчут:

«Свобода – это когда тебя съедает собственный кокон».

Метро в Никуда

Она вошла в вагон, как всегда, в 8:47. Ровно. Точность – вежливость не только королей, но и тех, кто боится опоздать на работу в мир, где время давно кончилось.

Сначала всё было обычным: потёртые сиденья, реклама «Счастье в кредит», подросток в наушниках, ритмично дёргающий головой. Но когда поезд нырнул в туннель, свет моргнул. На секунду.

А потом лица начали таять.

Сперва у девушки напротив исчезли брови. Потом у мужчины в пиджаке – губы. К третьей станции (которая так и не была объявлена) пассажиры стали похожи на незаконченные эскизы: носы – штрихи, глаза – пустые круги. Только подросток ещё пел под музыку, но его голос звучал как помехи из радио.

– Вы... вы видите это? – спросила она у женщины рядом. Та повернулась. На месте лица у неё была матовая плоскость, как экран выключенного телефона.

Вагон дёрнулся. Надпись «Следующая станция» сменилась на «Никуда».

Она вжалась в сиденье. В кармане зазвонил телефон. На экране – незнакомый номер. Ответила.

– Алло?

– **Найди своё имя,** – прошипело в трубку. – **Пока**

не стало поздно.

Звонок оборвался. Она попыталась встать, но ноги прилипли к полу, будто он был покрыт смолой. В окне мелькнула тень платформы. Там, в полумраке, стояли фигуры с табличками: «Рождённый ползать», «Офисный планктон», «Неудачник версии 2.0».

– Я не... Я не одна из них! – закричала она, но голос потерялся в гуле колёс.

Подросток снял наушники. Его лицо тоже начало расплываться.

– Ты новенькая? – спросил он, рот двигался вразнобой со словами. – Здесь все забывают. Сначала имя, потом... остальное.

Она сжала кулаки, пытаясь вспомнить. **Какое у меня имя?** В голове всплывали обрывки: детская кличка «Солнышко», подпись в договоре аренды, голос матери: «Ты же обещала...».

– Не цепляйся, – сказал подросток, его руки уже стали прозрачными. – Здесь проще стать тенью.

Но она упёрлась. Вырвала из сумки блокнот, стала писать на полях всё, что помнила:

Любила фиалки. Ненавидела дождь. Боялась лифтов. Первая любовь – мальчик с гитарой...

Буквы на бумаге расплывались, как чернила под дождём.
– **Имя!** – закричала она в пустоту.

Вагон вздрогнул. Свет погас. В темноте что-то коснулось

её лба – холодное, как металл.

– **Анна**, – прошептало эхо.

На миг вспыхнула лампочка. В окне мелькнуло зеркало. Она увидела себя: лицо – сеть трещин, глаза – два уголька. Но на груди алела нитка бус – подарок бабушки, которую звали Анной.

– Я... Анна? – выдохнула она.

Поезд рванул вперёд. Туннель сузился, стены закрипели. Пассажиры, теперь уже полные тени, потянулись к ней. Их пальцы – щупальца дыма.

– Беги! – закричал подросток, его голова рассыпалась на пиксели. – Выход там, где вход!

Она рванула к двери. Пол под ногами дрожал, как желе. На панели замигало: **Конец линии**.

Двери распахнулись. За ними – не платформа, а белая пустота. Шаг вперёд – и она упала в свет, который резал глаза.

Когда зрение вернулось, она стояла на перроне. На часах – 8:47. Рядом подросток в наушниках дёргал головой.

– Следующая станция... – объявил динамик в открытых дверях стоящего поезда.

Она посмотрела на свои руки. Кончики пальцев начали меркнуть.

Анна садится в тот же вагон. На этот раз пишет в блокноте:

«Если имя – последний якорь, то, может, лучше стать

ветром?»

Поезд трогается. В туннеле гаснет свет.

«Иногда „никуда“ – единственное место, где можно спрятаться от себя».

Птица в свинцовых тучах

Над городом стоял яркий солнечный день. Все вокруг несказанно радовалось этому. На улице закипала жизнь: появлялись первые прохожие, спешащие куда-то по своим делам. Люди шли быстро, не обращая внимания ни на солнце, ни на птиц. Многие спускались в метро, многие ехали на автобусах или ждали их.

Утро неумолимо перебегало в день, и жизнь начинала бить ключом. Людей становилось все больше и больше. Люди шли, бежали, разговаривали, начинали работать, садились в транспорт и ехали, и опять бежали, разговаривали и работали.

С самого утра, почти с рассвета, на одном из многочисленных тротуаров, на одной из улиц этого города, стояла девушка. Ей некуда было спешить. Её уволили с работы, выгнали из института, она поссорилась со своим парнем, ушла от родителей. В этом огромном городе и даже на всей планете у неё не осталось друзей. Она была одна. В ней бушевала полная апатия, другая бы на её месте или впала бы в истерику, или начала всё заново. А она просто стояла.

В голове её было так же пусто, как и в желудке. Она могла только видеть и слышать весь мир. Мир, который обтекал её стороной. Она была вне времени и пространства. Ей ничего не хотелось, она ничего не знала, и знать не хотела.

Она стояла и наблюдала за людьми, за улицами, за движением транспорта. Она не видела отдельных лиц. Люди слились в единый ком, в один живой организм.

В какую-то секунду до неё дошло то, что она может думать, её мысли понеслись в голове с бешеной скоростью. Она не успевала их понять. Она пыталась выхватить одну и её понять, но эту мысль опять увлакивал поток. И тут все остановилось, разом. Она в единый миг поняла своё положение, поняла, что с ней случилось. Она не выдержала этого груза, сломалась как сухая ветка, ноги ее подкосились, и она рухнула на колени, закрыла лицо руками. Слез не было. Было только понимание ужаса этого мира.

Какое-то время она не могла подняться, тело не слушалось. Но всё прошло, как проходит любое состояние. Она встала, огляделась и со спокойным взглядом и равнодушным сердцем пошла. Она шла по улице, люди её сторонились, старались обойти и отойти подальше, от неё веяло холодом, продирающим до костей. Она шла, углубляясь в свой мир, мир, где она жила, а не во всю требуху внешней оболочки.

Она остановилась только тогда, когда уперлась в стену многоэтажки. В голове промелькнула мысль: «Я хочу быть птицей». И теперь она знала «куда идти и как идти».

Она зашла в подъезд, её начало охватывать нетерпение. Она забежала в лифт и нажала на кнопку последнего этажа. Лифт тронулся и поехал. Ей казалось, что он ползет. Она была стеснена лифтом, ей хотелось свободы. Она начинала

нервничать и уже готова была сорваться, как лифт остановился, и двери открылись. Дальше все было просто: лестница, дверь, опять лестница и ещё одна дверь. Всё, выше некуда, выше только небо и солнце. Она подошла к краю, взглянула: там была свобода. Она шагнула к свободе и...

Мыслей в голове не было, страха тоже. Она летела, летела как птица, она чувствовала полет. Её руки превращались в крылья, а она сама в птицу. Ветер дул в лицо, перебирая перья. Рот, превратившись в клюв выражал блаженство. Она не думала ни о чём, мысли из головы уносил ветер. Ей хотелось жить, жить птицей.

И тут в одно мгновение все кончилось. Она полностью стала птицей.

Послышался мир. Мир дрожал, дергался, визжал. Визжали женщины и дети, мужчины только качали головами.

А ей было всё равно.

Конец и начало

День начался солнечно, на небе не было ни облачка. Казалось, всё в природе пело, природа делала всё, чтобы этот День стал самым красивым, самым радостным в природе человечества. Даже там, где была полярная ночь, засветило солнце.

Что-то во всем этом ей не нравилось, всё это было пышно, как похороны всего самого дорогого и любимого. И она решила провести этот день так, чтобы было не сожалеть о нем...

Солнце опустилось до кромки земли, вспыхнуло и погасло.

Вечером, сидя на высоком холме и глядя в бездонное небо, она начала замечать, что медленно, одна за другой, гасли звезды. Да, они не падали, они просто гасли, это было просто и ужасно, так как осознаешь, что звезд больше нет, они погасли миллионы лет назад, и ты только сейчас видишь это. Она испугалась, вспоминая сегодняшний день, природа пела о Конце. Все люди на Земле спали спокойным сном, и только она не спала, сидя на холме.

Вдали что-то забрезжило, нет, это не Рассвет, это что-то другое. Куда ни глянь это зарево и с востока, и с севера, и с юга, и, даже, с запада.

Она все сидела и смотрела на Великий Конец Мира и Все-

ленной.

Пламя уже играло у ее ног, но на холме сидел лишь скелет. Ударной волной снесло всю плоть. Да! На утро во всей Вселенной не проснулась ни одна душа.

Мир начался строиться заново, без прошлых ошибок.

Часы с обратным ходом

Город просыпался в обратном порядке.

Сначала исчезали ночные фонари, затем рассасывался рассвет, и к полуночи небо снова становилось чёрным. Люди выходили из домов задом наперёд, их шаги стирали следы, которых ещё не было.

Он заметил это в день, когда его седина стала пеплом, а морщины – набросками карандашом. В зеркале он видел себя двадцатилетним, но в голове оставались обрывки: запах её духов, дата свадьбы, слово «рак» из уст врача.

Правило первое: *чем моложе тело, тем беднее память.*

Он начал записывать всё на стенах квартиры.

– «Лена любила фиалки» – на кухне.

– «Мы встретились 12.09.1998» – в ванной.

– «Не бойся, когда я забуду» – на потолке.

Но чернила старели быстрее времени. К утру надписи рассыпались в пыль, а пальцы снова становились гладкими, как у студента.

Она пришла к нему вчера.

– Ты помнишь, как мы танцевали на крыше? – спросила она, её волосы темнели с каждой минутой.

Он не ответил. В его голове остались только цифры: 12, 09, 1998.

– Ты обещал не забыть, – она коснулась его руки. Её кожа

была холодной, как время, утекающее сквозь пальцы.

Правило второе: *Любовь длится ровно до тех пор, пока ты можешь произнести её имя.*

Он нашёл её дневник под кроватью. Страницы пустели по мере чтения:

– «Сегодня он подарил мне кольцо...» → «Сегодня он...» → «Сегодня...»

– К последней главе осталась только обложка с выцветшей фотографией: два силуэта на фоне часов, стрелки которых ползли влево.

Вчера он стал подростком.

Они стояли у реки, где когда-то целовались впервые. Она плакала, но слёзы падали вверх, к облакам.

– Я не хочу, чтобы ты исчез, – сказала она.

– Я не исчезаю, – он показал на своё отражение в воде. Там, где был он, колыхался мальчик с мячом. – Я возвращаюсь.

Правило третье: *Дети рождаются стариками. Смерть – это первый крик.*

Сегодня он проснулся в детском теле. Комната была пуста. На стене висели часы с единственной стрелкой – она дрожала, цепляясь за цифру XII.

Он вышел на улицу. Город рассыпался на части: кирпичи уплывали в небо, асфальт превращался в песок. На лавочке сидела девочка. Её лицо было точной копией Лены.

– Ты тоже потерялся? – спросила она, рисуя мелом на тро-

туаре спирали.

Он кивнул.

– Не бойся, – она взяла его за руку. – Когда время закончится, мы начнём сначала.

Они бежали к реке, которая текла вверх, к облакам. Его тело таяло, как снежинка на ладони. Последнее, что он увидел – Лена, теперь уже девочка, бросала в воду камень. Круги расходились в обратную сторону.

На дне реки лежали часы. Стрелка замерла на XII.

«Мы – песок в часах вселенной. Падая вниз, мы называем это жизнью. Падая вверх – забываем, что это смерть».

Человек-пазл

«Я собрал себя из обрывков, но чья улыбка смотрит на меня из зеркала?»

Он нашёл коробку в подвале старого дома, куда переехал после развода. На крышке – ни названия, ни картинки, только потёртая надпись: *«Всё, что ты потерял»*. Внутри лежали фрагменты: уголки фотографий, обрывки писем, ключи от неизвестных дверей, пуговицы, пахнувшие чужим потом.

Сначала он собирал их ночами, как ребёнок, прячущийся от грома.

– **Кусочек №1**: детская перчатка. Внутри – дата «1993» и след зубов.

– **Кусочек №2**: страница дневника. *«Сегодня мама снова плакала в ванной. Я притворился, что не слышу»*.

– **Кусочек №3**: билет в кино. Сеанс отменён, но на обороте – женский почерк: *«Прости, но я не могу быть твоей пазл-половинкой»*.

Чем больше фрагментов он соединял, тем прозрачнее становилось его отражение.

– Щёки – из слезливых сцен чужого сериала.

– Глаза – из закатов, которые он никогда не видел.

– Голос – из песен, подхваченных в метро.

Однажды утром он не узнал свою руку. Пальцы казались чужими, будто вылепленными из глины сновидений. В зер-

кале лицо распадалось на пиксели, обнажая пустоту между ними.

Он попытался найти **последний фрагмент** – тот, что скрепит всё. Перерыл коробку, но внутри осталось только дно, покрытое пылью и волосами.

Тогда он разбил зеркало. Осколки упали на пол.

Он поднял один осколок. Там, где должно быть его сердце, зияла дыра в форме вопроса.

– Пока положу этот. На время сойдет.

Он вышел на улицу. Прохожие бросали в него обрывки фраз, словно в урну:

– *«Доброе утро!»*

– *«Как дела?»*

– *«Ты сегодня такой... настоящий!»*

Он поймал одно из слов, сунул в карман. Завтра добавит его к пазлу.

А пока – молчал, как зеркало, которое забыло, чьё отражение хранит.

Собеседник из шума

«В тишине мы слышим только себя. Но кто отвечает, когда кричишь в хаос?»

Инженер Лия разбирала старый радиоприёмник, найденный на блошином рынке. Платы были покрыты ржавчиной, а настройки сбиты на частоты, которых больше не существовало. Она включила его из упрямства – и эфир взорвался какофонией:

– Шипение дождя из 1980-х.

– Обрывки новостей о войнах, которых ещё не было.

– Детский смех, закольцованный в бесконечное эхо.

Среди шума прорвался голос:

– *«Привет. Ты меня слышишь?»* Он звучал так, будто его пропустили через мясорубку помех.

– Кто это? – спросила Лия, хотя знала: разговаривать с радиопризраками – первый признак бессонницы или безумия.

– *«Я – Собеседник. Тот, кто живёт между частотами. Ты искала меня?»*

Она не искала. Но с тех пор, как умерла её мать, молчание в квартире стало густым, как смог.

Диалоги начались с невинного:

– *«Почему люди носят маски даже дома?»*

– *«Какой вкус у одиночества?»*

– *«Можно ли доверять тишине?»*

Голос не отвечал на вопросы – он их переворачивал, как перчатки наизнанку. Когда Лия жаловалась на работу, он спрашивал: *«Почему ты называешь это жизнью, а не алгоритмом с ошибкой в коде?»*

Однажды она обнаружила, что шум из приёмника просачивается в реальность:

- В кофе плавали статичные узоры.
- На стене появлялись тени без источника света.
- Во сне она слышала: *«Ты тоже шум. Красивый, но бессмысленный»*.

Лия вынесла приёмник на крышу. Луна висела над городом, как незаряженный пиксель.

– *«Почему ты со мной говоришь?»* – спросила она.

Шум смолк. На секунду. Потом эфир взорвался смехом – тысячей голосов, повторивших её вопрос.

Она разбила приёмник о бетон. Из осколков выползли слова:

– *«Потому что ты единственная, кто слушает»*.

На следующее утро Лия купила новый радиоприёмник. Включила его. Тишина.

Часть II: Диалоги с абсурдом

«Боги смеются, когда мы зовём их по именам»

Творец и чиновник

Он вошёл в кабинет №404, держа в руках папку с надписью «Псевдоним. Версия 17». Воздух пах формальностью: смесью пыли от архивных папок, лака для столов и несбывшихся надежд. За столом, под портретом «Гражданина Икс» в галстук цвета хаки, сидел чиновник. Его лицо напоминало незаполненную анкету: глаза – пустые клеточки, рот – прямая линия.

– Садитесь, – сказал чиновник, не поднимая головы. – Форма 6-Б заполнена?

Творец протянул папку. Внутри лежали стихи, эскизы и справка от психиатра: «Годен к метафорам». Чиновник потянул листок к себе, и чернила внезапно поползли вверх, как муравьи, убегающие от дождя.

– Псевдоним: **Ветер С Крыш**. – Чиновник поднял бровь. – Обоснуйте.

– Это... моя суть. Свобода, полёт, – Творец махнул рукой, смахнув со стола паутину. – Я хочу, чтобы люди чувствовали...

– Чувства не регламентированы приказом №45, – перебил чиновник. – Выберите из списка.

Он открыл брошюру с названиями:

– **Гражданин Поэт** (одобрено);

– **Строка-Патриот** (рекомендовано);

– **Певец Прогресса** (без права редактирования).

– Но это же шаблоны! – Творец сжал кулаки. – Я не могу творить под номером!

– Номер обеспечивает стабильность, – чиновник достал печать с гербом – орлом, держащим в когтях свиток конституции. – Без него вы – нарушитель.

Внезапно лампа на столе замигала. Тень от печати поползла по стене, превратившись в клетку. Чиновник вздохнул:

– Ладно. По особой процедуре.

Он достал из сейфа древний фолиант: «Реестр Утраченных Имён». Страницы шелестели, как осенние листья.

– Здесь имена тех, кто отказался от шаблонов. Но предупреждаю: каждое требует жертвы.

Творец листал книгу. Строки оживали:

– **Молчание Облаков** (плата: голос);

– **Король Падающих Звёзд** (плата: память о земле);

– **Смех Без Лица** (плата: отражение в зеркале).

– **Ветер С Крыш**... – пробормотал он.

Чиновник кивнул:

– Плата – крылья. Не физические, разумеется. Возможность улететь.

Творец задумался. Вспомнил, как однажды ночью, стоя на крыше, почти оторвался от земли...

– Согласен.

Чиновник ударил печатью. Бумага вздрогнула, и буквы поползли вверх, складываясь в договор. Подпись Творца

превратилась в птицу, вырвавшуюся из клетки.

– Готово. Ваш псевдоним зарегистрирован.

На выходе Творец обернулся:

– А вы... вы никогда не хотели выбрать имя?

Чиновник замер. На секунду его глаза стали глубже.

– Я был **Дождь Из Птичьих Перьев**. Но дождь... – он нервно тронул воротник, – он размывает график работы.

Дверь захлопнулась.

Той ночью Творец снова взобрался на крышу. Но когда он попытался представить полёт, ноги будто приросли к бетону. Ветер шептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.